

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

А. П. Векилов

О СКЛОНЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТУРЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

В турецком языке, как и во многих других языках, личные, указательные и некоторые другие местоимения являются одной из древнейших частей речи. По определению К. Е. Майтинской, местоимения сложились «в эпоху, далеко предшествующую времени существования даже самых древних восстановленных языков-основ»¹. Этим объясняется сохранение до наших дней архаичных признаков в склонении различных разрядов местоимений. Как известно, в современном турецком литературном языке эти архаичные особенности в склонении местоимений проявляются в исключениях из общего правила склонения существительных. Так, например, аффиксом родительного падежа личных местоимений 1-го лица единственного числа и 1-го лица множественного числа является *-im*, в то время как во всех прочих случаях этот аффикс имеет форму *-in/-nin* (в четырех фонетических вариантах), личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже вместо ожидаемого по схеме *bene, sene* имеют форму *bana, sana*, указательные местоимения в косвенных падежах имеют особую основу с носовым *n* и др.².

В турецких диалектах Малой Азии в склонении местоимений элементы архаизма по сравнению с современным литературным языком проявляются более широко. В речи носителей диалектов употребляется больше различных местоимений, чем в литературном языке. Кроме того, в диалектах местоимения имеют различные фонетические варианты, которые существенным образом отличаются от соответствующих местоимений нормативного языка. В падежной парадигме диалектные местоимения также отличаются от литературных. Отличия касаются и частоты употребления отдельных местоимений в диалектах.

Основной падеж. Наиболее распространенной в диалектах формой личного местоимения 1-го лица единственного числа является *ben* 'я', полностью совпадающая с соответ-

вующей формой литературного языка. Устойчивое употребление формы *ben* в диалектах поддерживается литературной нормой. Местоимение 1-го лица с начальным *b* из всех современных тюркских литературных языков сохранилось, как известно, только в турецком и гагаузском языках. В других современных тюркских литературных языках, за исключением чувашского (здесь это местоимение имеет форму *энĕ*), местоимение 1-го лица единственного числа начинается сонорным смычно-носовым *m*³. С начальным *m* это местоимение в турецких диалектах употребляется редко, главным образом кочевыми, полукошевыми племенами, переселившимися в Турцию в основном из Азербайджана и ныне живущими в восточных районах Анатолии, в илях Эрзурум и Карс⁴. Местоимение с начальным *m* весьма редко употребляется и в западных диалектах турецкого языка. Причем один и тот же информант может употреблять обе формы⁵. Примечательно, что это явление характерно также и для староанатолийских письменных памятников, где зафиксированы обе формы⁶. Только позднее, примерно с XVII в., в литературном языке форма *ben* полностью вытеснила форму *men*.

Формы *bän* и *män* параллельно употреблялись и в древнейших памятниках тюркской письменности — в орхоно-енисейских памятниках, где они рассматриваются как диалектные признаки⁷.

Существование двух форм личного местоимения 1-го лица единственного числа давно привлекало внимание тюркологов. Впервые, в конце прошлого столетия, этого вопроса коснулся В. В. Радлов, который писал: «Можно было бы предположить, что *män* и *bän* являются самостоятельными и дальнейшими образованиями более ранней формы *bä(bi)*, которой соответствовало местоимение 1-го лица единственного числа *bi* в тунгусском и монгольском языках. В таком случае формы *bän* и *män* развились самостоятельно из этой первичной формы, и впоследствии *bän* получила распространение в тех диалектах, которые не знали перехода *b > m*, вызванного последующим носовым согласным»⁸.

Большинство тюркологов, занимавшихся проблемой местоимений в тюркских языках или затронувших этот вопрос в работах общего характера, разделяли и разделяют мнение В. В. Радлова о переходе *b > m* под влиянием конечного носового *n* и подкрепляют это высказывание дополнительными аргументами⁹.

Так, В. А. Богородицкий в своей известной книге «Введение в татарское языкознание», которая вышла первым изданием в 1934 г., писал: «В вариации *m/b* первичным нужно признать согласный *b*, сменившийся на *m* под регрессивным ассимили-

рующим влиянием конечного носового; принять первичным носовой *м* нельзя потому, что тогда осталась бы непонятной замена его через неносовой *б* при наличии конечного носового»¹⁰. Убедительную аргументацию в пользу радловской гипотезы привел Н. К. Дмитриев в своей статье, посвященной истории аффиксов сказуемости. «...Местоимение *я*, — писал он, — соотносительно с местоимением *мы* так же, как местоимение *ты* соотносительно с местоимением *вы*. Поэтому *сэн//сен* 'ты' относится к *сиз* 'вы' так же, как *х+ən* (*en*) относится к *биз* 'мы'. Очевидно, *х=бэн//бен*, поскольку слово 'мы' всюду засвидетельствовано в форме *биз* и нигде (как самостоятельное слово) не употребляется в форме *миз*. Таким образом, древнейший вариант личного местоимения 1-го лица единственного числа был, очевидно, *бэн//бен*»¹¹.

Косвенным доказательством перехода $b > t$ в местоимении 1-го лица может служить также изменение начального *б* в указательном местоимении *би* 'это'. В косвенных падежах это указательное местоимение имеет особую основу для склонения с носовым *п*: *бин-*. В турецких диалектах, равно как и во многих тюркских языках и их диалектах, при склонении *би* начальный *б* переходит в *т* и парадигма имеет следующую форму: *тинип, тина, тини, тунда, тундан (тиннан)*¹². Здесь переход $b > t$ нельзя объяснить не чем иным, кроме регрессивной ассимиляции под влиянием носового *п*.

Но существует и противоположная точка зрения. Г. Рамсдетт¹³, Б. Мункачи¹⁴ и некоторые другие считают местоимение 1-го лица единственного числа с начальным *т* первичным. А. П. Поцелуевский, разделяющий это мнение, в известной работе о происхождении личных и указательных местоимений писал, что местоимение 1-го лица в подавляющем большинстве тюркских языков начинается с *т*, «причем в крымском, марнупольском и ногайском наречиях при начальном *б* в номинативе, в косвенных падежах снова появляется *м*... форма личного местоимения 1-го лица единственного числа с начальным *м* встречается уже в тюркских эпиграфических памятниках 8 века н. э. ... Глагольное окончание 1-го лица единственного числа (несомненно, генетически восходящее к соответствующему личному местоимению) звучит все же не *б*, а *м*»¹⁵ и, наконец, «чередование звуков *б* и *м* в Anlaut'e представляет собой заурядное явление в тюркских языках...»¹⁶.

Эта аргументация А. П. Поцелуевского, кроме положения о том, что аффиксы глагольных форм 1-го лица единственного числа имеют не *б*, а *м*, не исключает возможности перехода первоначального $b > t$ и не противоречит мнению В. В. Радлова и его сторонников. Что же касается глагольных аффиксов¹⁷, то хотя их генетическую связь с личными местоимениями никто

из тюркологов под сомнение не ставит, однако интерпретация этого факта А. П. Поцелуевским представляется неприемлемой. Вероятнее всего, в этих аффиксах сохранились не начальные звуки личных местоимений, как предполагал А. П. Поцелуевский, а конечные, как об этом пишет А. Н. Кононов¹⁸. Восходящий к личному местоимению *ben* аффикс *-(y)im* (в четырех вариантах) первоначально имел форму *-(y)in* с вариантами. В таком виде этот аффикс встречается в памятниках староанатолийской письменности¹⁹ и в современных турецких диалектах²⁰. «В дальнейшем, вероятно под влиянием исторически преобладавшей губной огласовки, носовой сонорный *n* > губной носовой спирант *m*»²¹.

Таким образом, мы можем форму местоимения 1-го лица единственного числа *bän//ben*, распространенную в турецких диалектах, считать древнейшим вариантом этого местоимения.

Может быть, не стоило бы здесь подробно излагать историю уже разрешенного вопроса, если бы азербайджанский диалектолог М. И. Исламов дважды — сначала в своей интересной и содержательной статье о личных местоимениях в диалектах азербайджанского языка²², а позднее в автореферате докторской диссертации, — не согласившись с мнениями В. В. Радлова и Г. И. Рамседта, не полемизируя с ними и их сторонниками, не выдвинул бы новой точки зрения: «считать обе формы древними»²³. Аргументация М. И. Исламова, опирающаяся главным образом на чередование *б/м* в анлауте, к сожалению, не производит убедительного впечатления.

Гласный звук личного местоимения 1-го лица единственного числа в диалектах в основном падеже зарегистрирован в двух вариантах: а) узкий (закрытый) вариант негубного гласного переднего ряда, близкого по звучанию к русскому э, — *ben (men)* и б) широкий (открытый) вариант того же гласного, транскрибируемого обычно через *ä* (иногда *е* или *е*), — *bän (män)*. Этот гласный в слове *ben* имеет и другие оттенки приведенных звуков. Например, А. Н. Кононов отмечает, что в позиции перед согласным *n* «широкий вариант фонемы *e* приобретает особенно широкий (открытый) характер»²⁴. Наличие не только в диалектах, но и в литературном разговорном языке фактически двух качественно отличающихся друг от друга гласных с их оттенками в форме местоимения 1-го лица отмечается всеми исследователями фонетики турецкого языка²⁵.

Широкое распространение формы личного местоимения *ben//bän* в турецких диалектах привело к стабилизации варианта *ben* в турецком литературном языке; в свою очередь, форма *ben*, закрепленная в литературном языке, поддерживает эту форму в диалектах. Видимо, этим и объясняется сохранение ва-

рианта этой древнейшей формы в турецком языке и его диалектах и говорах.

В турецких диалектах Малой Азии встречаются случаи употребления местоимения 1-го лица единственного числа с начальным глухим *p*. Это явление было зарегистрировано А. Джафероглу у различных информантов в Трабзоне и его окрестностях. Примеры: *ölum pen sâ pi yer târif edayim da sen parayı ora sakla* (иль Трабзон, К—DIAT, 175), лит. *oğlum ben sana bir yer tarif edeyim de sen parayı oraya sakla* 'Сын мой, я тебе одно место укажу, ты деньги там спрячь'; *pen hapısdan cälirim* (иль Трабзон, К—DIAT, 152), лит. *ben hapisten gelirim* 'Возвращаюсь из заключения'; *o parayı verurmusun pā?* (иль Трабзон, К—DIAT, 176), лит. *o parayı bana verir misin?* 'Дашь ли мне те деньги?'.
 Оглушение начального *b* в тюркских языках — общеизвестное явление²⁶, оно широко распространено и в турецких диалектах²⁷. Однако в местоимении 1-го лица это явление встречается редко.

Оглушение начального *b* в тюркских языках — общеизвестное явление²⁶, оно широко распространено и в турецких диалектах²⁷. Однако в местоимении 1-го лица это явление встречается редко.

Личное местоимение 2-го лица единственного числа в основном падеже в турецких диалектах в зависимости от качества гласного имеет два параллельных варианта, распространенных также в турецком разговорном языке, — *sen//sân* 'ты'. Варианты этого гласного полностью совпадают с соответствующими вариантами местоимения 1-го лица. В фонетическом отношении местоимение 2-го лица в основном падеже ничем не отличается от нормированной формы общенационального разговорного языка²⁸.

Личное местоимение 3-го лица единственного числа в диалектах в основном падеже встречается в двух вариантах: а) совпадающем с нормативной формой *o* и б) диалектальном *u*²⁹.

Как и во всех тюркских языках, личное местоимение 3-го лица одновременно является и указательным местоимением 'тот'. Примеры на употребление *u* 'он', 'она', 'оно': *u bizim gız ğardaşımızın çocuğı olsa gerek* (иль Кастамону, ААТ, 65) лит. *o bizim kız kardeşimizin çocuğı olsa gerek* 'Он, должно быть, сын нашей сестры'; *u genä dāmānā gidiyo* (иль Маниса, G—BAA, 21), лит. *o yine değirmene gidiyor* 'Он опять отправляется на мельницу'.

В такой же форме (*u*) местоимение 3-го л. единственного числа употребляется в современных узбекском и уйгурском литературных языках, в кубинском и бакинском диалектах азербайджанского языка.

В местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа *biz* и *siz* в диалектах зафиксированы случаи оглушения конечного *z*. При общей тенденции турецкого языка к оглушению ко-

нечных звонких согласных *z* тем не менее оглушается незначительно и редко. Однако конечный *z* после узких гласных оглушается достаточно ощутимо на слух³⁰. Это оглушение особенно усиливается, когда последующее слово начинается с глухого согласного³¹. Примеры: *bis soğura kövümüzä gidäm* (иль Денизли, G—BAA, 56), лит. *biz sonra köyümüze gidiyoruz* 'Потом мы отправляемся в свою деревню'; *bis sāniğ ğocağa dörtyüz nira vëdik* (иль Айдын, G—BAA, 62), лит. *biz senin kocana dört yüz lira verdik* 'Мы дали твоему мужу 400 лир'; *ëotuduğuz-mu his? his nahalsıgıs?* (иль Айдын, G—BAA, 79)³², лит. *e oturdunuz mu siz? Siz ne haldasınız?* 'Ну разве вы посидели? Как вы себя чувствуете?'.

Местоимение 3-го лица множественного числа в основном падеже в форме *onlar* 'они', совпадающей с литературной формой, в диалектах встречается редко; чаще всего оно употребляется в форме, где под действием прогрессивной ассимиляции звук *l* аффикса множественного числа изменяется в *n*: *onnar benim dilümden annar* (иль Трабзон, K—DIAT, 133), лит. *onlar benim dilimden anlar* 'Они понимают мой язык'; *gelin var, kız var, onnar yapar işi* (иль Невшехир, NYA, 196), лит. *gelin var, kız var, onlar yapar işi* 'Есть невеста, есть дочь, они и занимаются этим'; *unnä da «inşallah» dirlä* (иль Маниса, G—BAA, 3), лит. *onlar da «inşallah» derler* 'И они говорят: «Дай-то бог»'.

В последнем примере из Манисы в слове *unnä* 'они' выпадение конечного неустойчивого *r* привело к долготе гласного аффикса множественного числа.

Родительный падеж. В тюркских языках родительный падеж «выступает как форма имени существительного или местоимения, относимого к другому имени существительному как определение последнего»³³. Функции родительного падежа в турецких диалектах полностью совпадают с функциями этого падежа во всех тюркских языках. Этот падеж в анатолийских диалектах, так же как в тюркских языках, — «единственный из падежей, не управляемый глаголами»³⁴. В диалектах распространены различные фонетические варианты аффикса родительного падежа, генетически восходящие к единому древнему типу³⁵. Однако форма родительного падежа личных местоимений имеет гораздо меньше этих вариантов, чем форма родительного падежа имен существительных.

Склонение личных местоимений в родительном падеже в диалектах в основном совпадает с нормами литературного языка. Как известно, морфема *-im* является аффиксом родительного падежа только для личных местоимений 1-го лица единственного числа (*ben*) и множественного числа (*biz*) — *benim*,

bizim. Во всех других случаях этот падеж образуется аффиксом *-in, -nin* (четыревариантный аффикс для согласной и гласной основы).

Появление в родительном падеже аффикса с конечным *-m* (*benim, bizim*) объясняется влиянием аффикса принадлежности (*-im*) на аффикс родительного падежа. Причиной такого совмещения двух генетически разных аффиксов в одной форме является семантическая близость функции родительного падежа, выражающего «отношение принадлежности в самом широком значении этого слова»³⁶, с функцией категории принадлежности. Эта мысль, высказанная В. А. Богородицким еще в 1925 г.³⁷, ныне разделяется многими тюркологами. Примеры: *bānim adamı ğarınıñ örüdān aldılā ğitdilā* (иль Измир, G — BAA, 28), лит. *benim kocamı kapının önünden aldılar gıtiler* 'Моего мужа возле дверей забрали, увели'; *mānim olan da beş aydır nākdibi galmi* (иль Афьон-Карахисар, G — BAA, 44), лит. *benim oĝlan da beş aydır mektebe gelmiyor* 'Мой сын пять месяцев в школу не ходит'; *menim ğızımı bir de dilne almiyacax* (иль Карс, DIAT, 97), лит. *benim kızımı [-ın adını] bir de dilne almi yacak* 'Пусть он даже имя моей дочери забудет'; *çalışırız amma, zor bizim geçimimiz, zor* (иль Невшехир, NYA, 143), лит. *çalışırız amma, zor bizim geçinmemiz, zor* 'Работаем, а жизнь наша тяжелая, тяжелая'.

В северо-восточном диалекте турецкого языка (причерноморская полоса от Самсуна до Ризе) личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа в родительном падеже употребляются соответственно в формах *benum, senun* и *bizüm, bizim, sizün, sizun*: *u benum sevdiceyüm eller elinde ğaldi* (иль Трабзон, SLA, 178), лит. *o benim sevdiciğim eller elinde kaldı* 'Та моя возлюбленная осталась у чужих людей'; *ay benum kuzucuym, elma versam yermisun?* (иль Ризе, SLA, 85) лит. *ay benim kuzucuğım, elma versem yer misin?* 'О моя миленькая, если дам тебе яблоко, съешь ли?'; *penum param var* (иль Трабзон, K — DIAT, 183), лит. *benim param var* 'У меня есть деньги'; *aķşamdan geleceum, yarum, senun odana* (иль Трабзон, SLA, 188), лит. *aķşamdan geleceğim, yarım senin odana* 'К вечеру, моя возлюбленная, приду к тебе'; *derinoba ğizlare bizüm evde gelindir* (иль Трабзон, SLA, 167), лит. *Derinova kızları bizim evde gelindir* 'Невесты в нашем доме — девушки из Деринова'; *baluklar sizün için* (иль Трабзон, K — DIAT, 134), лит. *balıklar sizin için* 'Рыба для вас'.

Вопреки палатальной гармонии гласных, характерной для современного турецкого языка, в северо-восточном диалекте довольно часто наблюдается появление узких губных гласных *u, ü* в аффиксе родительного падежа, а также и в ряде других аффиксов после основ с негубными гласными.

Лабиализация различных аффиксов была широко распространена в староосманском языке³⁸. Употребление аффиксов с узкими губными гласными при нелабиальных основах (в словах типа *sevketlû* 'величественный', *kudretlû* 'могущественный' и др.) проникло в турецкий литературный язык феодальной эпохи как особая форма высокого стиля и сохранилось до начала XX в. в языке официальных бумаг канцелярии султанского двора в Турции³⁹.

Аналогичное явление имеет место и в других средневековых письменных памятниках⁴⁰, а также и в современных азербайджанских диалектах⁴¹.

В турецких диалектах sporadически встречается форма родительного падежа личных местоимений 1-го лица единственного и множественного числа с аффиксом *-in(-ig)*. Этот аффикс в огузской группе языков при местоимениях *ben* и *biz*, как правило, не употребляется, но он характерен для кыпчакской и карлукской групп языков. Примеры: *adımı sorarsan, benim adım güleser* (иль Конья, TSMA, 4, 73), лит. *adımı sorur isen, benim adım Güleser* 'Если ты спрашиваешь мое имя, меня зовут Гюлесер'; *ötön benimki bir günde ğurudu* (иль Невшехир, NYA, 119), лит. *ötende benimki bir günde kurudu* 'В прошлый раз мое высохло за один день'; *sen beyaniyoñ mu biziñkinä?* (иль Денизли, G—BAA, 72), лит. *sen beğeniyor musun bizimkini?* 'Тебе нравятся наши?'; *bu bizim küçük bacıymız* (иль Анкара, TSMA, 3, 36), лит. *bu bizim küçük kızkardeşimiz* 'Это — наша младшая сестра'.

Эти факты, зарегистрированные в западной части Анатолийского полуострова, хотя и встречаются не часто, но, безусловно, дают дополнительный материал, свидетельствующий о том, что в консолидации турецкого народа кроме огузских племен принимали участие и кыпчако-карлукские племена⁴². Кыпчакские элементы оставили более заметный след в азербайджанском языке и его диалектах⁴³.

В большинстве турецких диалектов на территории Анатолийского полуострова, особенно в диалектах восточных районов, сохранился древний носовой велярный звук *y*⁴⁴. Этот звук, зарегистрированный еще в орхоно-енисейских памятниках письменности, был широко представлен в староанатолийском языке. В старотурецкой (арабской) графике за этим звуком была закреплена буква «сагыр нун», которая сохранилась в графике вплоть до перехода на новый латинский алфавит. В современном турецком языке этот звук отсутствует. В большинстве случаев он уступил свое место сонорному смычному носовому *n*. А в диалектах *y* проявляет себя очень широко: так, он представлен в различных вариантах аффикса родительного падежа, в некоторых других аффиксах и отдельных словах.

Историю изменения и исчезновения носового велярного *ŋ* можно проследить в турецких диалектах на примерах с формой родительного падежа личного местоимения 2-го лица единственного и множественного числа: *seniŋ gızıŋı istêr* (иль Карс, DIAT, 39), лит. *senin kızını istiyor* 'Твою дочь просит [з жены]'; *seniŋ kimi bi adamım* (иль Газиантеп, GA, 1, 349), лит. *senin gibi bir adamım* 'Я такой же человек, как и ты'; *seniŋ ğullariŋ dayması harasındadı?* (иль Карс, DIAT, 133), лит. *senin kullarının damgası neresindedir?* 'Клеймо на твоих рабах на каком месте находится?'; *bu davşana siziŋ ğüçüŋüz çatmaz* (иль Карс, AAT, 130), лит. *bu tavşana sizin gücünüz çatmaz* 'Вам с этим зайцем не справиться'.

В приведенных примерах сохранилась древнейшая форма аффикса родительного падежа. Эта же форма употребляется в современном туркменском литературном языке⁴⁵ и в некоторых других тюркских языках.

В приводимых ниже примерах звук *ŋ* аффикса родительного падежа зафиксирован как состоящий из двух расчлененных звуков — *n+g*: *ölüm, sening bobaŋı şakirin bobası öldürmüş* (иль Чанкыры, AAT, 88), лит. *oğlum, senin babanı Şakirin babası öldürmüş* 'Сын мой, твоего отца убил отец Шакира'; *sening bumuydu maxsadıŋ?* (иль Чанкыры, AAT, 93), лит. *senin bu muydu maksedin?* 'Вот это и было твоей целью?'; *sizing ayt dedüŋüz bu türku* (иль Кастамону, AAT, 4), лит. *sizin ağıt dediğiniz bu türkü* 'Эта песня, которую вы называете плачем'.

Такой вариант аффикса родительного падежа часто употребляется и при образовании родительного падежа имен существительных в турецких диалектах Кастамону и Чанкыры⁴⁶.

Кроме того, зафиксирован еще фонетический вариант аффикса родительного падежа местоимения 2-го лица единственного числа в форме *iŋ*. Этот вариант является результатом дальнейшего изменения исходной формы аффикса *-iŋ>-ing>.*ig>-iŋ*. Аффикс родительного падежа в форме *-ik* (в четырех вариантах) употребляется в айрумском говоре азербайджанского языка⁴⁷. Примеры: *seniŋ yüzüŋ neden eyri?* (иль Кастамону, Бартын, BYA, 133), лит. *senin yüzün neden egri?* 'Почему твое лицо перекосилось?'; *seniŋ sevday* (иль Кастамону, Бартын, BYA, 140), лит. *senin sevdan* 'твоя любовь'.

Вариант аффикса родительного падежа со щелевым среднеязычным звонким *-y-* употребляется в Бартыне⁴⁸, Урфе⁴⁹ и их окрестностях. В диалектальной речи жителей Бартына и его окрестностей этот вариант вытеснил все другие варианты аффикса родительного падежа.

Диалектальная особенность родительного падежа личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа проявляется главным образом в употреблении архаичного ва-

рианта аффикса с велярным -ŋ: *heç onuŋ gibi vāmıdı?* (иль Измир, G — BAA, 29), лит. *hiç onun gibi var mıdır?* 'Разве есть [еще] подобный ему?'; *onuŋ yanında çalışdım* (иль Невшехир, NYA, 196), лит. *onun yanında çalıştım* 'работал при нем'; *bil-miyom unnaŋ lisannarına* (иль Маниса, G—BAA, 5), лит. *bil-miyorum onların lisanlarını* 'Я их языка не знаю'; *oŋların yüz kişisini kesti* (иль Анкара, TSMA, 3, 34), лит. *onların yüz kişisini kesti* 'Сто человек из них он зарубил'.

Дательный падеж. Основной синтаксической функцией дательного падежа личных местоимений в турецких диалектах, как и в современном турецком литературном языке, является выражение направления действия. В нормативном языке дательный падеж личных местоимений образуется с помощью двухвариантного аффикса *-a// -e*, восходящего к общетюркской древней форме *-ya// -ge*. Употребление литературной формы аффикса дательного падежа в диалектах статистически преобладает. Варианты аффикса присоединяются к склоняемой основе согласно закону гармонии гласных. Исключением в этом отношении являются только два первых личных местоимения единственного числа — *ben* 'я' и *sen* 'ты', которые в дательном падеже и в литературном языке и в подавляющем большинстве случаев в диалектах имеют форму *bana, sana*. Подобное явление наблюдается во многих других тюркских языках⁵⁰ и их диалектах. Эта аномалия в парадигме склонения личных местоимений обратила на себя внимание многих тюркологов, и был сделан ряд попыток объяснить причину этого явления.

Обстоятельные критические обзоры гипотез по этому поводу приведены В. Котвичем в двух его книгах⁵¹ и М. Рясенном в его известной работе по морфологии тюркских языков⁵². Этого вопроса коснулся также Э. В. Севортян⁵³. Он считает, что формы дательного падежа *bana, sana* появились в результате присоединения к местоимениям *ben (mān), sen* аффикса дательно-направительного падежа *-ya (-ga)*, который вызвал регрессивную ассимиляцию, и таким образом возникла форма *bana, sana (ben//mān + ga > be ŋa > bana)*⁵⁴. Это предположение в принципе примыкает к идее, высказанной В. А. Богородицким в 1934 г.⁵⁵ Такой же точки зрения придерживается О. В. Захарова⁵⁶. Уязвимость этой гипотезы заключается в том, что аффикс дательного (дательно-направительного) падежа с древнейших времен существовал в двух вариантах — для основ с гласными заднего ряда и с гласными переднего ряда: *-qa// -kā* (Габен)⁵⁷, *-ka/-kə;* *-ga/-gə* (Насилов)⁵⁸, *-ga/-ga* (Кондратьев)⁵⁹. Следовательно, было бы естественно для местоимений

ben(män), *sen(sän)* избрать вариант аффикса с гласным переднего ряда — *-gä*, *-gə*. Именно так обстоит дело в азербайджанском (**mängä* > *māṅä* > *mānä*; *sāṅä* > *sānä*), алтайском (**men-ge* > *mege*; *sege*), тувинском (*мэṅээ*//*мээ*; *сэṅээ*//*сээ*) языках и в некоторых диалектах тюркских языков, в том числе и в некоторых турецких диалектах.

Выбор аффикса дательного падежа *-ға(-ya)* для местоимений *ben(män)*, *sen(sän)* при наличии более гармоничного варианта (*-kä*, *-gä*, *-gə*) вызывает сомнение. В. А. Богородицкий, предвидя подобное возражение, высказал предположение, что «именно *-ға/-qa* являются первоначальным окончанием дательного падежа, и из них основным нужно признать *-ға*»⁶⁰. В таком случае в живых или мертвых тюркских языках должно было бы сохраниться некоторое число форм, подобных *bana* и *sana*, где гласная основы была бы изменена под влиянием аффикса дательного падежа. Как известно, такими примерами мы не располагаем.

Автор большой статьи о местоимениях в тюркских языках Ф. Г. Исхаков в разделе, посвященном дательному падежу личных местоимений, выдвинул другую гипотезу. «Тот факт, — пишет он, — что в чувашском языке склоняемыми основами личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа являются *ман-* и *сан-*, в турецком языке дательный падеж этих местоимений образуется также от *ban-* и *san-* (*bana* 'мне', *sana* 'тебе'), а во многих других тюркских языках основы форм дательного падежа этих двух местоимений представляют собой лишь измененные варианты приведенных выше *ман-* и *сан-* (ср. *маңа*//*маға*//*мā* 'мне', *саңа*//*саға*//*сā* в ряде тюркских языков), дает основание предположить о существовании некогда в тюркских языках личных местоимений 1-го и 2-го лица, звучащих *ман*//*сан*»⁶¹. Формы дательного падежа местоимений *maṅa*//*ban-a*, *saṅa*//*sana* с вариантами Ф. Г. Исхаков считает остаточными проявлениями некогда существовавших форм основного падежа *man*, *san*.

Если допустить эту точку зрения, то, во-первых, мы должны были бы непременно обнаружить достаточно устойчивые следы *ман*, *сан* и в других падежах кроме дательного. Тюркские языки, являющиеся языками агглютинативного строя, весьма бережно относятся к основе слова. Почти все словообразующие и словоизменяющие аффиксы подчиняются фонетической структуре основы, оставляя ее, как правило, неизменной. Так должно было происходить и в данном случае, *ман* и *сан* не должны были быть исключением в этом отношении. Однако эти предполагаемые формы местоимений в большинстве тюркских языков проявляются только в дательном падеже. Почему нигде не обнаружены формы *manda*, *mandan* и др.?

Во-вторых, каковы причины того, что из трех десятков живых тюркских языков только в одном чувашском, фонетика которого существенным образом отличается от фонетики других тюркских языков, сохранилась форма *ман*-, *сан*- в качестве основы для всех косвенных падежей, в то время как в этом же языке местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в основном падеже имеют особый фонетический облик (*эпĕ* 'я', *есе* 'ты'), не встречающийся ни в одном из тюркских языков, ни в живых языках, ни в мертвых.

Все эти вопросы призывают к осторожности и ставят под сомнение категоричность гипотезы, выдвинутой Ф. Г. Исхаковым. Однако М. И. Исламов, обнаруживший в южных диалектах азербайджанского языка (Ордубадский, Физулинский и Зангеланский р-ны Азерб. ССР) местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в основном падеже в форме *ман*, *сан*⁶², присоединился к предположению Ф. Г. Исхакова. Он считает, что обнаруженные им местоимения, встречающиеся в диалектах не только азербайджанского, но и других тюркских языков⁶³, решительно подтверждают правоту Ф. Г. Исхакова.

Факты, на которые М. И. Исламов обратил внимание, безусловно, представляют собой определенную научную ценность. Однако, на мой взгляд, они не рассеивают тех сомнений, которые были изложены выше по поводу гипотезы Ф. Г. Исхакова. Дело в том, что случаи употребления в ордубадском диалекте формы местоимения *ман* весьма ограничены, а *сан* в опубликованных текстах вовсе не встречается⁶⁴. Кроме того, и это главное, судя по всем примерам, переход *ä* (*ə*) > *a* в этом диалекте (в заимствованных словах, в слове *кэл* > *кал* 'приходи')⁶⁵ носит явно вторичный характер, и это наталкивает на мысль, не представляет ли собой *a* в местоимении *ман*, *сан* вторичное, т. е. более позднее, явление.

Как было сказано выше, в большинстве тюркских языков, кроме чувашского, склоняемая основа личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа изменяется только в дательном падеже. Поэтому, возможно, следует в поисках причины этого явления обратить внимание именно на дательный падеж, особенно в диахроническом аспекте.

В турецких диалектах Анатолийского полуострова личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже имеют много вариантов, которые можно сгруппировать в пять подгрупп. К первой подгруппе относятся диалектальные формы, примыкающие к литературному варианту *bana*, *sana*: *baḡa//maḡa*, *baḡa*, *bāa//māa*, *bā//pā*; *saḡa*, *saḡa*, *sāa*, *sā*. Вторая подгруппа охватывает диалектальные формы, приближающиеся к литературной форме азербайджанского языка, — *beḡe//meḡe*, *bene//mene*, *bānā//mānā*; *seḡe*, *sene*, *sānā*. К третьей подгруппе

относятся формы *biye, siye*, употребляющиеся в диалекте Урфы. В четвертой подгруппе представлены формы *behen, sehen*, встречающиеся в Карсском иле. И, наконец, в пятую подгруппу входят местоимения, по морфологическим признакам имеющие формант винительного падежа, но выполняющие в предложении функцию дательного (*beni//bāni, seni*).

Формы дательного падежа местоимений, входящих в первую подгруппу, связаны между собой генетически и отражают различные изменения, которым подверглись эти местоимения в речи носителей турецких диалектов. Наиболее архаичными из них являются *bağa//mağa, sağa*.

Велярный *ɣ* в этих местоимениях, а также в местоимении 3-го лица единственного числа в дательном падеже (*oğa* 'ему'), как полагают многие тюркологи, восходит к древней форме аффикса дательного падежа *-qa// -kä*. Под назализирующим влиянием конечного *n* в перечисленных местоимениях начальный согласный аффикса преобразовался в велярный *ɣ*. Этому процессу активно содействовало и то, что начальный звук аффикса дательного падежа по способу образования и месту артикуляции очень близок к *ɣ*⁶⁶, и поэтому переход *n + q//k > ɣ* был естественным⁶⁷.

Формы личных местоимений всех трех лиц единственного числа в дательном падеже с велярным *ɣ* встречаются и в памятниках древнетюркской письменности⁶⁸.

Примеры из турецких диалектов: *bunuɣ türkcesini bağa söyle* (иль Конья, TSMA, 4, 77), лит. *bunun Türkçesini bana* 'Скажи мне, как это будет по-турецки'; *seni mağa babam taşırırıldı* (иль Карс, AAT, 98), лит. *seni bana babam emanet ediptir* 'Мой отец поручил тебя мне'; *al sağa bi hekâ da* (иль Афьон-Каракисар, G — BAA, 43), лит. *al sana bir hikâye daha* 'Вот тебе еще одна сказка'.

В текстах из района Ризе, опубликованных М. Рясанзеном, местоимения *ben, sen* в дательном падеже встречаются в форме *bağa, sağa*. Аналогичные формы являются нормой для хакасского литературного языка⁶⁹. Эта диалектальная турецкая форма близка по звучанию и к соответствующим формам ногайского и киргизского языков⁷⁰. Образование подобных форм дательного падежа местоимений является результатом изменения в отдельных случаях велярного *ɣ* в заднеязычный щелевой *ɣ*⁷¹: *ver bağa bir şeftalı* (иль Ризе, SLA, 31), лит. *ver bana bir şeftalı* 'Дай мне один персик'; *altun takarum sağa, her biri-katır nalı* (иль Ризе, SLA, 30), лит. *altun takarım sana, her biri — katır nalı* 'Надену на тебя золотые [украшения], каждое с подкову мула'.

К первой же подгруппе относятся местоимения, претерпевшие дальнейшие фонетические изменения рассмотренных выше

форм. В местоимениях *bāa//māa, sāa* в результате выпадения или сильной редукции в интервокальной позиции носового *n* или велярного *ŋ* гласный основы приобретает носовой тембр и вместе с гласным аффикса составляет двувершинную долгую гласную: *bāa hōkt et* (иль Чанкыры, ААТ, 90), лит. *bana hū-kūt et* 'Прикажи мне'; *o adam māa dedi* (иль Карс, DIAT, 129), лит. *o adam bana dedi* 'Тот человек сказал мне'; *ben sāa dün zabax bi gulük vedim* (иль Чанкыры, ААТ, 91), лит. *ben sana dün sabah bir hindi verdim* 'Вчера утром я дал тебе индюшку'.

Личные местоимения в дательном падеже с долгими гласными *bā//pā, sā* образовались скорее всего в результате выпадения заднеязычного щелевого (*baɣa, saɣa*) в позиции между двумя однотипными гласными: *getur bā bi hamsi çorbasi* (иль Трабзон, К—DIAT, 133), лит. *getir bana bir hamsi çorbasi* 'Подай мне суп из камсы'; *o parayı verurmusun pā?* (иль Трабзон, К—DIAT, 176), лит. *o parayı verir misin bana?* 'Дашь ли ты мне те деньги?'; *ölum, kimiy gızını isdēsey sā ali-vörüm* (иль Бартын, ВУА, 135), лит. *oğlum, kimin kızını istiyorsun sana alırım* 'Сын мой, на ком хочешь жениться, любую тебе сосватаю'.

Турецкие диалектальные формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже, отнесенные ко второй подгруппе, с некоторыми оговорками можно рассматривать как близкие к формам азербайджанского литературного языка. Основным признаком, сближающим эти местоимения, является сохранение их основы неизменной в форме дательного падежа. Другим признаком общности является относительно частое употребление (в восточных районах Турции) *m* вместо *b* в начале местоимения 1-го лица. И, наконец, третий признак — наличие открытого *ä*, что является нормой для азербайджанского литературного языка. Впрочем, последнее явление, т. е. открытый *ä* в местоимениях *ben, sen*, часто встречается и в турецком разговорном языке в речи людей, владеющих литературным языком.

В этой же группе местоимений имеются формы, сохранившие в своем составе велярный *ŋ*: *mege gellersen mi?* (иль Карс, DIAT, 1, 5), лит. *bana varır mısın?* 'Выйдешь ли за меня замуж?'; *allahın verdinden bege de biraxıllardı* (иль Карс, DIAT, 1, 115), лит. *allahın verdiğiinden bana da bırakırlardı* 'И мне давали что бог пошлет'; *bir gızım var onu da sege verim* (иль Карс, DIAT, 1, 98), лит. *bir kızım var onu da sana vereyim* 'У меня одна дочь, и ее тебе отдам'.

Здесь уместно упомянуть, что В. Котвич в свое время возражал А. Габэн по поводу происхождения форм местоимений 1-го и 2-го лица в дательном падеже — *baɣa, saɣa*. А. Габэн считала, что замена гласного *e//ä* в местоимениях *ben//bān,*

sen//sän на *a* происходит под влиянием *ŋ*, так же как веллярные *q*, *ɣ*, вызывают передвижение назад соседних с ними гласных переднего ряда⁷². В. Котвич справедливо отметил, что «*ŋ* не обладает такой особенностью и выступает в окружении гласных как переднего ряда, так и заднего ряда, а суффиксы, имеющие в своем составе *q* и *ɣ*, имеют еще особые варианты с *k* и *g* для слов с передними гласными»⁷³.

Рассмотрим другие примеры второй подгруппы: *bakdı bänä, yaralı. «Kim yaraladı säni?» — dedi* (иль Маниса, G — BAA, 14), лит. *bakdı bana, yaralı. «Kim yaraladı seni?» — dedi* 'Посмотрел на меня — ранен. «Кто ранил тебя?» — сказал'; *bu imzayı ben sene nerde verdim?* (иль Эрзурум, DIAT, 199), лит. *bu imzayı ben sana nerede verdim?* 'Где я дал тебе эту расписку?'.

В грамматическом очерке, посвященном диалекту Урфы, Кемаль Эдип пишет: «Дательный падеж 1-го и 2-го лица единственного числа имеет следующие формы: *biye, siye*»⁷⁴. Эту же форму для диалекта Урфы приводит О. А. Аксой, сравнивая ее с местоимением в дательном падеже диалектов Килиса и Газиантепа⁷⁵.

Подобная форма дательного падежа, по свидетельству М. И. Исламова, встречается «в восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка»⁷⁶. По фонетическому облику упомянутые формы близки к соответствующим формам некоторых говоров бакинского диалекта азербайджанского языка (*mäyä, säyä*)⁷⁷ и северного (тракайского) диалекта караимского языка (*mayä, sayä*)⁷⁸.

Появление во всех перечисленных формах местоимений щелевого среднеязычного *y* можно объяснить переходом *ŋ (n) > y*⁷⁹. Подобный переход можно часто наблюдать в различных тюркских языках и диалектах как в основе слова (*köŋül > köyül* 'сердце')⁸⁰, так и в аффиксах (*seniy kismetüydü* 'была твоей долей')⁸¹. Наряду с переходом *ŋ (n) > y* весьма возможен, как полагает М. И. Исламов, переход *ġ > y* (*mägä, sägä > mäyä, säyä*)⁸².

Формы дательного падежа местоимений в диалекте Урфы — *biye, siye* — являются дальнейшей трансформацией не зафиксированных в турецких диалектах форм **beye, *seye*, но имеющих в азербайджанских диалектах в форме *mäyä, säyä*. Переход *e > i* в местоимении диалекта Урфы объясняется двумя активно способствующими этому переходу факторами. Первый — позиционное изменение *e* под воздействием щелевого среднеязычного сонорного *y*. «Поскольку сонорный *y* по месту и условиям образования близок к *i*... т. е. к узкому негубному гласному»⁸³, он ассимилирует гласный *e*, и происходит переход *e > i*⁸⁴. Примеров подобного перехода в турецком языке и его диалектах много: *gey- > giy-* 'одевать, надевать', *dinleyen > din-*

liyen- 'слушающий, слушавший' и др.⁸⁵ Другим фактором, влияющим на переход $e > i$, является воздействие на e губно-губного b и переднеязычного s , что способствует еще большему передвижению его вперед. Следовательно, возникновение формы *biye, siye* можно представить так: *bege, sege* $> *beye, *seye > biye, siye$.

В четвертую подгруппу входят местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа, имеющие в дательном падеже форму *behen, sehen*. Они употребляются в речи полукочевого племени терекеме Карсского иля и местных оседлых жителей Карса. Примеры: *çoban, bu asbablarımı sehen verim, sen behen göyün kes, ğarnını behen ver, eti meti sehen* (иль Карс, DIAT, 149), лит. *çoban, bu esaplarımı sana vereyim, sen bana koyun kes, karnını bana ver, eti meti sana* 'Пастух, эту мою одежду я отдаю тебе, ты зарежь овцу для меня, желудок дай мне, а все остальное — себе'; *behen, şahzadem, ğirĝ gün izin ver* (иль Карс, DIAT, 62), лит. *bana, şahzadem, kirk gün izin ver* 'Шахзаде мой, дай мне сорок дней сроку'.

Эта диалектальная форма дательного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица имеет аналоги в форме дательного падежа этих же местоимений в казахском литературном языке: *маған, саған*. Близость этих форм очевидна благодаря известному в тюркских языках переходу $f > x > h$ ⁸⁶. Эти согласные очень близки между собой по месту артикуляции и отличаются друг от друга по звонкости и глухости.

Близкими к этим турецким диалектальным формам можно считать и формы *maha, saha*, употребляющиеся в говоре деревни Дашагыл Варташенского района Азерб. ССР⁸⁷. Эта диалектальная форма отличается от турецкой и казахской всего лишь отсутствием конечного n .

Ф. Г. Исхаков по поводу казахских форм писал: «В дательном падеже... к склоняемым основам местоимений единственного числа [прибавляется] аффикс *-ған*, происхождение конечного n пока еще неизвестно (возможны, по-нашему, три варианта объяснений: 1) *-ған* $< *ғар$; 2) *оған* 'ему' $< *онға$: n и $ғ$ метатезы поменялись местами; 3) *оған* 'ему' $< *оға < *оғар$ »⁸⁸.

Если действительно трудно объяснить происхождение n , то $ғ$, вероятнее всего, представляет собой не что иное, как результат перехода $h > ғ$. Поэтому едва ли можно из *маған, саған* выделить *-ған* как аффикс. Этому препятствует еще и учет форм местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в дательном падеже в ногайском, киргизском (*мага, сага*) и хакасском (*маға, саға*) языках⁸⁹. Состав последних местоимений показывает, что $ғ$ не может относиться к аффиксу.

К неясным с точки зрения истории образования форм дательного падежа первых двух личных местоимений единствен-

ного числа следует добавить еще более загадочные формы в карсском диалекте: *behen, sehen*.

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа, огнесенные к пятой подгруппе, рассматриваются ниже, в разделе, посвященном взаимоотношениям дательного и винительного падежей.

Форма дательного падежа местоимения 3-го лица единственного числа в диалектах имеет меньше расхождений с соответствующей формой в турецком литературном языке. В подавляющем большинстве случаев основой для склонения местоимения *о* 'он' в дательном падеже является *on-* или *oğ-*. Но наряду с этим встречается и основа *о-*. Кроме того, как уже говорилось выше, местоимение 3-го лица единственного числа нередко встречается и в форме *и*, которая, в свою очередь, образует основу для склонения *un-*. Примеры: *una beş bin lirayı vermiş* (иль Орду, К—DIAT, 6), лит. *ona beş bin lirayı vermiş* 'Дал ему пять тысяч лир'; *oğa sat* (иль Кастамону, ААТ, 54), лит. *ona sat* 'продай ему'; *o āsı oğa diyor ki...* (иль Кыршехир, TSMA, III, 108), лит. *o ağası ona diyor ki...* 'Тот хозяин говорит ему, что...'

В трабзонском диалекте основой для образования дательного падежа часто служит *о-* без носового *n*: «*Sen kit*»,—*tedi oa* (иль Трабзон, К—DIAT, 172), лит. «*Sen git*»,—*dedi ona* '«Ты иди»,—сказал ему'; *at oa iki dene yiri hamsı* (иль Трабзон, К—DIAT, 133), лит. *at ona iki tâne iri hamsı* 'Кинь в нее [в кастрюлю] две крупные хамсы'.

Приведенная выше форма дательного падежа (*oa* 'ему, ей') отмечена также в муганском и шемахинском диалектах азербайджанского языка⁹⁰.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа в дательном падеже в турецких диалектах не имеют фонетических вариантов, отличающих их от литературного языка. И вместе с тем следует отметить, что в диалектах аффикс дательного падежа *-e* упомянутых местоимений нередко выступает в форме фонетического варианта этой фонемы — *-â*. Как известно, такие формы, как *bizâ* 'нам', *sizâ* 'вам', не считаются нарушением орфоэпической нормы литературного языка.

Диалектальной основой для образования дательного падежа от местоимения 3-го лица множественного числа *onlar* 'они' является *onnar* (с ассимилированным *l*), реже *onnâ* (с редуцированным или выпавшим *r*). При выпадении *r* гласный аффикса множественного числа *a* количественно изменяется — обретает долготу, например: *onnara öyle baxardı* (иль Кыршехир, TSMA, 3, 104), лит. *onlara öyle bakardı* 'Так смотрел на них'; *sakin onnara dokunma* (иль Бартын, BYA, 137), лит. *sakin anlara dokunma* 'Смотри не трогай их'.

Винительный падеж. Личные местоимения в винительном падеже в диалектах, как и в литературном языке, выступают в предложении в качестве прямого дополнения. Аффиксы винительного падежа личных местоимений являются также общими для диалектов и литературного языка: *-i*, *-i*, *-u*. Между тем местоимения в винительном падеже имеют в диалектах некоторые особенности. Во-первых, это фонетические особенности, перешедшие на винительный падеж из основного падежа, который служит для винительного исходной формой. Во-вторых, это употребление местоимений, оформленных аффиксом дательного падежа, но выполняющих в предложении функции прямого дополнения, т. е. винительного падежа.

Фонетические особенности местоимений в винительном падеже связаны с исходными формами. Это: а) для местоимения 1-го лица единственного числа — глухое начало: *pen — peni* (иль Трабзон, К—DIAT, 175), сонорное начало и более широкий гласный: *mān — māni* (иль Айдын, G—BAA, 77), звонкое начало и широкий гласный: *bān — bāni* (иль Испарта, AD, 1, 64); б) для местоимения 2-го лица единственного числа — широкий гласный: *sān — sāni* (иль Айдын, AD, 1, 79). Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа в винительном падеже диалектальных особенностей не имеют. Местоимение 3-го лица единственного числа в трабзонском диалекте часто употребляется с аффиксом винительного падежа *-i* вместо ожидаемого *-u* в нарушение гармонии гласных. Примеры: *oni o tāt tebesine çıkıyor* (иль Трабзон, К—DIAT, 220), лит. *onu o dağın tepesine çıkıyor* 'Поднимает его на вершину той горы'; *o sebepten görmedük oni* (иль Трабзон, К—DIAT, 134), лит. *o sebepten görmedik onu* 'По той причине мы его не видели'.

Нарушение гармонии гласных, особенно при склонении, было отмечено В. Писаревым, исследовавшим трабзонский диалект в начале XX в.⁹¹.

Местоимение 3-го лица множественного числа во многих диалектах чаще всего употребляется с ассимилированным *l* аффикса множественного числа: *onnar — onnari* (иль Кюнья, TSMA, 4, 14).

Что касается употребления личных местоимений, оформленных аффиксом дательного падежа, но выполняющих функцию прямого дополнения, то это явление следует связать с процессом взаимозаменяемости дательного и винительного падежей, характерным для диалектов западного и центрального районов Малой Азии и трабзонского диалекта⁹². Эта взаимозаменяемость проявляется в том, что склоняемое слово, несущее в предложении функцию дательного падежа, оформляется аффиксом винительного, и наоборот. Нечеткая дифференциация винительного и дательного падежей, распространенная в пара-

дигме имен существительных, таким образом частично распространяется и на личные местоимения. Примеры: *baña yalığıs... gödü* (иль Айдын, AD, 1, 79), лит. *beni yalnız koydu* 'Оставил меня одного'; *alamadım gız sene, gismetim deyildi* (иль Гуресун, K—DIAT, 121), лит. *alamadım kız seni, kismetim deyildi* 'Не смог жениться на тебе, девушка, не судьба'; *bân bu sâfâr sâñâ yicên* (иль Айдын, Saferoğlu, TDAY—B, 1965, с. 18), лит. *ben bu deña seni yiyeceğim* 'На этот раз я тебя съем'; *gızın babası kabul eder onu* (иль Маниса, G—BAA, 3), лит. *kızın babası kabul eder onu* 'Отец девушки принимает его'; *bizâ çarmuşla ... ben gâldim* (иль Кютахья, G—BAA, 34), лит. *bizi çağırmuşlar ... ben geldim* 'Нас позвали ... я пришел'.

Подобное явление имеет место еще и в турецком диалекте Видина на севере Болгарии⁹³, в диалектах азербайджанского⁹⁴ и туркменского языков⁹⁵.

Явление обратного порядка — оформление дательного падежа аффиксом винительного — особенно часто встречается в р-не Денизли, с меньшей частотой оно зарегистрировано и в других районах юго-западной части Малой Азии. Примеры: *bâni bi ... bıçağ ... gâtir* (иль Денизли, G—BAA, 71), лит. *bana bir ... bıçak ... getir* 'Привези мне нож'; *hanımım, sâni nilâr alen?* (иль Денизли, G—BAA, 71), лит. *hanımım, sana neler alayım?* 'Госпожа моя, что тебе купить?'; *âşam bizi gâlimiğ* (иль Денизли, G—BAA, 51), лит. *aşam bize geliniz* 'Вечером приходите к нам'; *ben sizi müsêde alırım* (иль Айдын, AD, 1, 79), лит. *ben size müsaade alırım* 'Я получу для вас разрешение'.

Исследователи турецких диалектов Т. Ковальский и А. Джафероглу склонны объяснять это явление причинами фонетического характера. По их мнению, суть этого явления заключается в том, что жители западных и центральных районов Малой Азии произносят аффикс винительного падежа *-i, -ı* со значительным опущением языка, в результате чего он звучит как *-ä(e), -a* и, следовательно, совпадает по звучанию с аффиксом дательного падежа⁹⁶. Однако такое объяснение нельзя считать удовлетворительным. Дело в том, что нерасчлененность аффикса дательного и винительного падежей в чувашском литературном языке⁹⁷, а также распространенность взаимозаменяемости дательного и винительного падежей в различных диалектах других тюркских языков говорят о том, что это явление — не результат фонетической случайности, а остаточное проявление семантической недифференцированности функций дательного и винительного падежей. Что касается возможного нарушения коммуникации, то следует сказать, что ситуационный характер диалектальной речи, определенное значение глаголов и семантика падежей (прямое и косвенное дополнение) исключают нарушение взаимопонимания.

Местный падеж. Личные местоимения в местном падеже морфологических и синтаксических особенностей в диалектах не имеют. В тех случаях, когда склоняемой основой в местном падеже выступают местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа с широким гласным *ä*, гласный звук аффикса, подчиняясь гармонии гласных, имеет аналогичное звучание: *bändä, sändä*. Аффикс *-dä* часто присоединяется и к местоимениям 1-го и 2-го лица множественного числа: *bizdä, sizdä*.

Исходный падеж. Особенности склонения личных местоимений в исходном падеже проявляются только в звуковом оформлении аффикса этого падежа. Аффикс исходного падежа при местоимениях всех трех лиц единственного числа наряду с литературными формами нередко встречается с назализованным *d* и звучит *-nan, -nen// -nä*. Причиной назализации, как было отмечено еще В. А. Богородицким, является ассимилирующее действие двух конечных носовых согласных — местоимения и аффикса исходного падежа⁹⁸. Примеры: *telli bennén ... boş olsun* (иль Карс, DIAT, 160), лит. *Telli benden boşansın* 'Пусть Телли разводится со мной'; *allah sennén rāzı olsun* (иль Орду, K—DIAT, 6), лит. *Allah senden razı olsun* 'Да будет аллах тобой доволен'; *onnan geri çäkildim* (иль Балыкесир, AD, 1, 14), лит. *ondan geri çekildim* 'отошел от нее'.

Аффикс исходного падежа в форме *-nan, -nen* встречается во многих тюркских литературных языках, особенно в их диалектах.

Частичная взаимозаменяемость местного и исходного падежей имен существительных, зарегистрированная в турецких диалектах окрестностей Трабзона, Анкары, Малатьи и некоторых других районов⁹⁹, при склонении личных местоимений не наблюдается.

Перечисленные выше особенности склонения личных местоимений в диалектах представляют собой материал для изучения истории категории склонения в турецком языке.

СОКРАЩЕНИЯ

- ЗВО — Записки восточного отделения
 ИСГТЯ.2 — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.
 2. Морфология. М., 1956.
 СТ — «Советская тюркология». Баку.
 ААТ — А. Caferoğlu. Anadolu ağızlarından toplamalar. Kastamonu, Çankırı, Çorum, Amasya, Niğde ilbaylıkları ağızları, kalaycı argosu ve Geygelli yürüklerinin gizli dili. İstanbul, 1943.

- AD.1 — A. Caferoğlu. Anadolu dialektolojisi üzerine malzeme. 1. Balıkesir, Manisa, Afyon-Karahisar, Isparta, Aydın, İzmir, Burdur, Antalya, Muğla, Kütahya, Denizli vilâyetleri ağızları. İstanbul, 1940.
- APAW — «Abhandlungen der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften». Berlin.
- BYA — Z. Korkmaz. Bartın ve yöresi ağızları üzerine. — TD. 1. 1964.
- DIAT — A. Caferoğlu. Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. Kars, Erzurum, Çoruh ilbaylıkları ağızları. İstanbul, 1942.
- EI — Encyclopedic de l'İslâm.
- GA.1 — Ö. A. Aksoy. Gaziantep ağızı. 1. İstanbul, 1945.
- G—BAA — Z. Korkmaz. Güney-Batı Anadolu ağızları. Ses bilgisi (fonetik). Ankara, 1956.
- K—DIAT — A. Caferoğlu. Kuzey-Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. Ordu, Giresun, Trabzon, Rize ve yöresi ağızları. İstanbul, 1946.
- KSz — «Kéleti Szemle (Revue orientale)». Budapest.
- NYA — Z. Korkmaz. Nevşehir ve yöresi ağızları. 1. Ankara, 1963.
- PHTF — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Wiesbaden.
- SLA — M. Räsänen. Eine Sammlung von Mani-Liedern aus Anatolien. Helsinki, 1926.
- TD.1 — «Türkoloji Dergisi». 1. 1964, Ankara.
- TDAY-B — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten». Ankara.
- TDED — «Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi». İstanbul.
- TSMA.3 — M. Räsänen. Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien. 3. Ankara, Kaisari, Kırsehir, Cankırı, Afion Vil. Helsinki, 1936.
- TSMA.4 — Räsänen. Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien. 4. Konya Vil. Helsinki, 1942.

¹ К. Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, с. 39.

² См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 81—82.

³ См.: Ф. Г. Исхаков. Местоимения. — ИСГТЯ. 2, с. 214—215.

⁴ См.: A. Caferoğlu. Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. 1. İstanbul, 1942, с. XII—XIX.

⁵ См.: Z. Korkmaz. Güney-Batı Anadolu ağızları. Ses bilgisi. Ankara, 1956. В этой книге опубликовано 100 страниц диалектальных текстов, записанных из уст 78 информантов — жителей Юго-Западной Анатолии. Только трое из них (тексты № 14, 17, 59) употребили в речи *mân* параллельно с *bân*.

⁶ M. Ergin. Türk dil bilgisi. Sofya, 1967, с. 252.

⁷ См.: З. Б. Арагачи. Вопросы грамматики. — И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 120.

⁸ W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897, с. 72.

⁹ W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. — APAW. Berlin, 1917, с. 6; W. Kotvitz. Les pronoms dans les langues altaïque. Krakow, 1936, с. 5; M. Mansuroğlu. Türkçede zehir çekimi. — TDED. 3. İstanbul, 1949, с. 511; И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 70; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 172; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 81—82 и др.

¹⁰ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Казань, 1953, с. 166.

¹¹ Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости. — ИСГТЯ. 2, с. 9—10. Об этом см.: он же. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова. — Там же, с. 271.

¹² См.: Ф. Г. Исхаков. Местонаимения, с. 252—253; М. Ширелиев. Азербайджан диалектологиясынын әсаclarы. Баки, 1968, с. 188—189.

¹³ G. J. Ramstedt. Über mongolische pronomina.—«Journal de la Société Finno-Ougrienne». 23. Helsinki, 1906, с. 2, 7.

¹⁴ B. Munkacsı. [Ред. на:] W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. 1. Mitteilung. Über das türkische Interrogativpronomen.—APAW. Berlin, 1917—1919, с. 134—135; KSz. 18, 1918—1919, с. 124—142.

¹⁵ А. П. Поцелуевский. Происхождение личных и указательных местоимений (Материалы к истории туркменского языка). Ашхабад. 1947, с. 13—14.

¹⁶ Там же, с. 14.

¹⁷ Имеются в виду, например, аффиксы двух категорий в турецком языке, с помощью которых образуются глагольные формы 1-го лица единственного числа: четырехвариантный *-(y)it* и *-m*.

¹⁸ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 222.

¹⁹ См.: M. Ergin. Türk dil bilgisi, с. 269—270; M. Mansuroğlu. Das Altosmanische.—PhTF. 2, с. 172.

²⁰ См.: Т. Kowalski. Dialectes turk-osmanlis.—EI. 4. 1934, § 60, а также: А. П. Векилов. Особенности настоящего первого времени в турецких диалектах Малой Азии.—«Филология и история тюркских народов. Тезисы докладов тюркологической конференции в Ленинграде». Л., 1967, с. 14.

²¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 222.

²² М. И. Исламов. Азербайджан дили диалект və шивәләриндә шәхс әвәзликләри.—«Ученые записки Аз.ГУ. Серия языка и литературы». Баку, 1972, № 3, с. 54.

²³ М. И. Исламов. Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка.—Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, с. 7.

²⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 24.

²⁵ См.: Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, с. 23; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 23—24.

²⁶ См., например: Н. З. Гаджиева. Глухое начало слова в тюркском языке.—СТ. 1973, № 4, с. 5.

²⁷ См.: A. Caferoğlu. Anadolu ağızlarında konson değişimleri.—TDAY—B. 1963, с. 5.

²⁸ З. Коркмаз в диалектальных записях в иле Айдын (см. G—BAA, с. 63, тексты 59, 60) зарегистрировала у двух информантов субституцию *s>h* в местоимениях *sən* и *siz* соответственно *hən*, *his*. Хотя эти случаи и имеют свою аналогию в семье тюркских языков (башкирский язык), однако их единичность не дает основания рассматривать этот факт как характерную особенность айдынского диалекта.

²⁹ В анкарском диалекте в записях М. Рясненна (TSMA, 3, 26, 30, 34) встречаются единичные случаи употребления архаичной формы личного местоимения 3-го лица единственного числа *an-* в качестве основы для косвенных падежей.

³⁰ См.: Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка, с. 67.

³¹ См.: A. Caferoğlu. Anadolu ağızlarında konson değişimleri.—TDAY—B. 1963, с. 22; см. также: М. Рясненн. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 153—154.

³² О *his* 'вы' см. выше, прим. 28.

³³ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, с. 68.

³⁴ Там же, с. 68.

³⁵ См.: А. П. Векилов. Аффиксы падежей в анатолийско-турецких диалектах.— Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 243—245.

³⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 78.

³⁷ В. А. Богородицкий. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах.— «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1925, № 3, с. 14. Эта статья в качестве IX главы (с. 84—87) включена в сборник В. А. Богородицкого «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию». Казань, 1933.

³⁸ M. Mansuroğlu. Das Altosmanische, с. 163—164.

³⁹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 53, 256.

⁴⁰ См.: П. М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. XVIII—XIX.

⁴¹ М. Ш. Ширәлијев. Бақы диалекти. Бақы, 1957, с. 36; Р. Э. Рустәмов. Губа диалекти. Бақы, 1961, с. 51—52.

⁴² См.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, с. 93—95.

⁴³ М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (На материале диалектов и говоров).— Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, с. 5—17; Ә. Дәмирчизадә. Азербайжан дилиндеки оғуз-кыпчак лисани үнсүрләри.— «Труды Института языка АНАЗССР». Т. 1. Баку, 1947, с. 3—14.

⁴⁴ См.: A. Saferoğlu. Eskişehir ağızları üzerine bir deneme.— TDed. 4. 1950, с. 28; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 169.

⁴⁵ См.: К. Атаев. Түркмен дилинде эелик дүшүм.— «Труды Института языка и литературы АН Туркм. ССР». Вып. 2. Ашхабад, 1957, с. 49—67.

⁴⁶ См.: А. П. Векилов. Аффиксы падежей в анатолийско-турецких диалектах, с. 244.

⁴⁷ См.: Б. П. Садыхов. Об одном древнем аффиксе родительного падежа в айрумском говоре азербайджанского языка.— СТ. 1974, № 4, с. 94—95.

⁴⁸ Z. Korkmaz. Bartin ve yöresi ağızları.— TD. 1. Ankara, 1964, с. 103—104.

⁴⁹ K. Edip Urfalı. Urfa ağızı. Istanbul, 1945, с. 36.

⁵⁰ См.: Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 214—230; Э. В. Севортян. Категория падежа.— ИСГТЯ. 2, с. 48—50.

⁵¹ См.: W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Krakow, 1936, с. 31—33; он же. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 144—146.

⁵² M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, с. 14—15.

⁵³ Э. В. Севортян. Категория падежа, с. 49—50.

⁵⁴ Там же, с. 50.

⁵⁵ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, с. 156—157.

⁵⁶ О. В. Захарова. Дательно-направительный падеж в языке «Кудадгу билит».— «Ученые записки филологического факультета Киргизского государственного университета». Вып. 3. Фрунзе, 1957, с. 73.

⁵⁷ A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950, с. 87.

⁵⁸ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 27.

⁵⁹ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, с. 14.

⁶⁰ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, с. 157.

⁶¹ Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 214.

⁶² М. И. Исламов. Азербайжан дили диалект вә шивәләриндә шөхс

өвөзликлери.— «Ученые записки Аз.ГУ. Серия язык и литература». 1972, № 3, с. 54—55; он же. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка.— СТ. 1972, № 3, с. 17—18, 23.

⁶³ Түркмен дилиниң диалектлериниң, очерки. Ашгабад, 1970, с. 255. 270; О. Шарилов. Папский говор узбекского языка.— Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, с. 15.

⁶⁴ Об ордубадском диалекте см.: Азербайжан дилинин Нахчыван группу диалект ве шивөлери. Баку, 1962, с. 106. Диалектальные тексты, записанные из уст 10 информантов в Ордубадском р-не, занимают восемь страниц (279—286). В них 26 раз встречаются *ман* 'я', 6 раз *сэн* 'ты' в различных падежах. Но ни разу не встречаются формы *ман* и *сан*. Правда, в разделе «Морфология» (автор К. Т. Рамазанов) приведены примеры, в которых *ман* употребляется в качестве основы для склонения в родительном и винительном падежах (с. 107—108). По говорам Физулинского и Зангеланского р-нов диалектальные тексты и исследования не опубликованы.

⁶⁵ Там же, с. 23.

⁶⁶ См.: А. Ахундов. Азербайжан дилинин фонемләр системи. Баку, 1973, с. 189.

⁶⁷ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 27; В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка, с. 13; Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 218.

⁶⁸ A. von Gabain. Alttürkische Grammatik, с. 91.

⁶⁹ См. Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 224.

⁷⁰ Там же, с. 218, 222.

⁷¹ См.: S. Çağatay. Türkçede *n~ğ* sesine dair.— TDAY—B. 1954, с. 27; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 168—173.

⁷² A. Gabain. Turkologie in Polen.— «Polski Biuletyn Orientalistyczny». 2. 1938, с. 55—59.

⁷³ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 146.

⁷⁴ K. Edip Urdali. Urfa ağzı. İstanbul, 1945, с. 35.

⁷⁵ Ö. A. Aksoy. Gaziantep ağzı. I. İstanbul, 1945, с. 137.

⁷⁶ М. И. Исламов. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка.— СТ. 1972. 3, с. 26.

⁷⁷ М. Ш. Ширәлијев. Баку диалекти. Икинчи чапы. Баку, 1957, с. 77.

⁷⁸ O. Pritsak. Das Karaimische.— PhTF. 1, с. 333; К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, с. 216.

⁷⁹ См.: O. Pritsak. Das Karaimische, с. 329.

⁸⁰ См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 170—171.

⁸¹ Z. Korkmaz. Bartın ve yöresi ağızları üzerine.— TD. 1. Ankara, 1964, с. 134.

⁸² М. И. Исламов. Древние формы личных местоимений, с. 26.

⁸³ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка, с. 58—59.

⁸⁴ См. там же.

⁸⁵ См. там же, с. 50.

⁸⁶ См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 119, 131—133.

⁸⁷ А. А. Гусейнов. Говоры Варташенского района. Автореф. канд. дисс. М., 1952, с. 7.

⁸⁸ Ф. Г. Исхаков. Местоимения, с. 223.

⁸⁹ Там же, с. 218, 222, 224.

⁹⁰ См.: М. Ш. Ширәлијев. Азербайжан диалектоложиясынын әсаслары, с. 184—187.

⁹¹ См.: В. Писарев. Несколько слов о Требизондском диалекте.— ЗВО. XIII. 1901, с. 175.

⁹² Об этом см.: А. П. Векилов. О некоторых особенностях синтаксических функций падежей в турецких диалектах Малой Азии.— «Вопросы филологии стран Азии и Африки». Вып. 2. Л., 1973, с. 9—15.

⁹³ J. Németh. Die Türken von Vidin. Sprache, Folklore, Religion. Budapest, 1965, с. 94.

⁹⁴ М. Ширәлијев. Азәрбајжан диалектолокијасынын әсаслары, с. 138—139.

⁹⁵ А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, с. 47.

⁹⁶ См.: Т. Kowalski. Dialectes turk-osmanlis.— EI. 4, § 9; A. Caferioğlu. Die anatolischen und rumelischen Dialecte.— PhTF. 1, с. 257.

⁹⁷ См.: А. И. Иванов. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его.— «Записки Чувашского НИИ языка, литературы и истории». Вып. 8. Чебоксары, 1953, с. 182—185.

⁹⁸ См.: В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, с. 159—160.

⁹⁹ Об этом см.: А. П. Векилов. О некоторых особенностях синтаксических функций падежей, с. 13—14.